

В.П. КОТИН

ПРАВОСУДИЕ ГЛАЗАМИ ОСУЖДЕННЫХ

Проблемы правосудия в последнее время стали предметом повышенного внимания общественности. С них постепенно падает завеса таинственности и на смену приходят интерес и неподдельное желание разобраться. В этой связи представляется правомерным обращение непосредственно к осужденным с целью получения данных, позволяющих определить новые, может быть неожиданные, ракурсы в деятельности правоохранительных органов, не говоря уже о том, что социологический опрос можно применить как эффективное средство для исследования причинности, латентности и других аспектов преступности.

Нами было опрошено 327 мужчин, осужденных в основном за тяжкие преступления и отбывающих наказание в колонии усиленного режима. Из них в возрасте до 25 лет оказалось 42% и от 25 до 50 лет — 48%. По характеру совершенных преступлений преобладали насильственные преступники — 54% и корыстные — 30%.

Полученные данные не выявили особых расхождений в оценках в зависимости от категорий осужденных. Видимо, это объясняется тем, что часто насильники ранее были судимы за корыстные преступления и наоборот, т.е. в массе своей контингент достаточно однородный. Не исключено, что определенная нивелировка могла произойти и вследствие длительного пребывания в местах лишения свободы — 79% имели срок наказания свыше трех лет. В связи с этим возникает закономерный вопрос: что больше определяет отношение осужденных к тем или иным вопросам — личная мотивация или стереотипы и нравы уголовного мира?

Дать однозначный ответ непросто. Тем более, что как показывают исследования, осужденные часто обращаются к групповым нормам и правилам как своеобразному способу психологической защиты. Необходимо учитывать и другое: предложение «покопаться» в сугубо личном, вспомнить нелегкие минуты следствия и суда может вызывать отрицательные эмоции.

Чтобы исключить или как-то смягчить влияние этих факторов, опрашиваемым задавались общие вопросы, предлагалось дать «независимую» оценку различным правовым явлениям, выявлялось отношение к эмоционально нейтральным проблемам. Например, на вопрос «Желаете ли Вы знать лучше уголовное законодательство?» абсолютное большинство (93%) дали утвердительный ответ. А вот мотивы познания разные. 26% (в основном молодежь) считают, что они отказались бы от совершения преступ-

ления. Для четверти опрошиваемых знание законов никоим образом не повлияло бы на совершение преступления. Значительная часть (47%) хотели бы знать законодательство, чтобы использовать эти знания для противодействия органам суда и следствия или сокрытия преступления.

По-разному оценивая свое преступное прошлое, абсолютное большинство осужденных считают, однако, что попали в места лишения свободы из-за случайного стечения обстоятельств, грубых личных просчетов либо правовой неосведомленности. С некоторыми оговорками можно сказать, что такая установка сформировалась в ходе следствия к суда и в какой-то мере в ней повинны сами правоохранительные органы. Во всяком случае 80% опрошенных уверены, что ни следователь, ни суд даже не пытались установить истинные мотивы и причины совершенного преступления. Более того, лишь 13% полагают, что были установлены все обстоятельства их преступной деятельности. В остальных случаях либо не выявлены все соучастники, либо не раскрыты другие преступления.

С точки зрения профилактики рецидива наличие у осужденных подобных установок — фактор весьма негативный. От совершения преступления, как известно, удерживает не столько тяжесть возможного наказания, сколько вероятность разоблачения. И здесь следует обратить внимание на то, что в последнее время в печати появился ряд материалов, где утверждается, что состояние преступности никак не связано с деятельностью правоохранительных органов. Ничем, кроме все возрастающей растерянности, вызванной обострением социальной напряженности и резким ростом преступности, такие выступления не объяснить. Очевидно, что такая связь существует. Состояние, уровень, динамика преступности прямо зависят от деятельности этих органов и не только от количественных характеристик (эффективность, техническая оснащенность, правовая обеспеченность и др.), но и от ее нравственной основы.

В этой связи мы обратили свое внимание на воспитательную роль правосудия. Разумеется, целиком полагаться на субъективные оценки участников судебного процесса здесь нельзя. Однако некоторые цифры представляют интерес. Так, 25% осужденных заявили, что ни сам процесс, ни его участники не оставили в их памяти особого следа. Кульминационное событие — вынесение приговора — у большинства (64%) вызвало озлобление и лишь немногие (10%) посчитали его справедливым, а 13% остались равнодушными. Запомнились: адвокат (24%), следователь (21%), прокурор (18%), судья (14%). Но на вопрос «Кто из участников процесса оказал на Вас положительное влияние?» 71% ответили отрицательно. И лишь немногие указали на адвоката (24%), судью (5%) или следователя (1%).

Наиболее охотно и подробно опрошиваемые давали характеристику следователя. В целом его образ представлен негативно: вызывал чувство отвращения (21%), «хитрый и коварный» (19%), «не хватало ума и интеллигентности» (11%), «был груб и оказывал психологическое давление» (12%). О случаях физического принуждения никто не упоминал.

Весьма специфично оценивают осужденные и роль адвоката. С одной стороны, как уже отмечалось, адвокат имеет наибольший рейтинг, с другой — на его помощь мало кто рассчитывал всерьез. В результате лишь 14% сами выбрали себе адвоката и возлагали на него определенные надежды. В большинстве же случаев его нанимали родственники (36%), рекомендовал следователь (11%) либо иные лица (сокамерники — 3%, приятели — 4% и т.д.). Для четверти осужденных было вообще безразлично, кто и как будет их защищать, и адвокат в их деле участвовал по назначению суда.

Чем же объяснить столь слабую заинтересованность в правовой помощи лиц, нуждающихся в ней прежде всего? В самом общем плане, престиж и социальная значимость адвокатской деятельности зависят от того положения, которое занимает адвокатура как общественный институт в системе государственных органов, а также от уровня правовой культуры населения. Разумеется, есть много других факторов, определяющих отношение различных слоев населения к профессии юриста вообще и адвоката в частности. В данном же случае отчетливо обнаружилось два обстоятельства:

это какая-то фатальная убежденность большинства осужденных в том, что ничего уже нельзя изменить и неверие в возможности адвоката как профессионала.

В самом деле, если мы обратимся к статистике, то обнаружим, что количество оправдательных приговоров в последние годы не превышало 0,3%, тогда как даже в мрачные 30-е и 40-е годы они составляли 10% [1]. Карательная практика судов, согласно официальным данным, остается очень жесткой, особенно в сравнении с западными странами. Поэтому нет ничего удивительного в том, что две трети осужденных выразили неудовлетворение результатами участия адвоката в деле. Назывались разные причины: адвокат не был заинтересован в исходе дела (23%), к своим обязанностям относился формально (11%), у адвоката не было реальной возможности оказать помощь (5%), адвокат пытался помочь, но его никто не слушал (30%), от адвоката нет никакой пользы (9%). Назывались и иные причины.

Еще одна особенность правового сознания осужденных: деятельность адвоката подчас ассоциируется с деятельностью правоохранительных органов вообще. Адвокат в их представлении не член независимой общественной организации, а сотрудник правоохранительной системы наряду со следователем, судьей, прокурором. Видимо это обстоятельство существенно затрудняет выполнение адвокатом своих профессиональных функций (сложнее установить психологический контакт, выяснить обстоятельства, имеющие значение для защиты и т.д.). Во всяком случае, лишь 42% опрошенных могли определенно сказать, что в ходе следствия и суда у них сложились хорошие, доверительные отношения со своим защитником, и они откровенно рассказали все, что его интересовало. В остальных же случаях, судя по результатам опроса, осужденные мало представляли себе возможности адвоката и держались с ним настороженно или вообще не доверяли.

В целом, недоверие или даже озлобленность являются основными признаками, определяющими отношение осужденных к деятельности правоохранительных органов. Именно деятельности — это следует подчеркнуть особо — поскольку это отношение редко персонализируется. Характеристики, даваемые осужденными — это прежде всего отношение к профессиональным обязанностям этих лиц. Например, мало кто из опрошенных запомнил следователя, хотя именно его образ представлен в ответах наиболее полно и однозначно.

Все это может свидетельствовать о наличии устойчивых стереотипов в правовом сознании осужденных. Однозначно негативное отношение большинства из них к правосудию и иным органам, ведущим борьбу с преступностью, могло сформироваться под влиянием этических норм уголовного мира, вследствие искаженного восприятия правовых реалий. У большинства (59%) представление о правоохранительных органах после следствия и суда ухудшилось (улучшилось у 4%). И лишь немногие (5%) верят в справедливость нашего правосудия. Основная же часть осужденных либо сомневается (25%), либо вообще не верит, что суд может вынести объективный приговор (63%).

Примечательно, что справедливость половина опрошенных отождествляет с независимостью суда, его способностью принять решение с учетом всех обстоятельств дела. Треть связывает это понятие со сроками наказания. Лишь немногие (8%) готовы согласиться, что наказание может быть средством исправления и перевоспитания. Абсолютное же большинство считают его прежде всего карой или мстью государства, либо вообще не находят в наказании позитивного содержания и считают его совершенно бессмысленным (последнее особенно характерно для насильственных преступников).

В том, что отношение осужденных к правосудию небеспристрастно, нет ничего неожиданного. Проблема в другом: часто сами юристы не ждут другого отношения к себе со стороны правонарушителей и полагают, что те просто не способны к объективному восприятию смысла правоохранительной деятельности. Подобные настроения создают дополнительные трудности в их работе и приводят подчас к конфликтам. Однако опытные юристы, как правило, с пониманием относятся к эмоциональному состоянию правонарушителей, стараются преодолеть отчужденность и враждебность с их стороны.

Неприятие осужденными целей и методов уголовной юстиции в какой-то мере является следствием негативного отношения к ней населения. И это естественно. Известный

современный американский юрист Ллойд Л. Уайнреб пишет, что уголовный процесс относится к тем неизбежным явлениям нашей жизни, с которыми приходится мириться. Даже когда мы убеждены, что совершилось правосудие, осуждение преступника — событие не радостное. Поэтому нет ничего удивительного в том, что наши методы никого не удовлетворяют полностью [2]. Иногда такая неудовлетворенность приобретает характер кампании, в средствах массовой информации появляется поток сенсационных разоблачений случаев коррупции и злоупотреблений. Как правило, это нагнетает страсти среди осужденных, взвинчивает напряженность в местах отбывания наказания и даже приводит к различным формам социального протеста против органов, ведущих борьбу с преступностью.

И тем не менее полученные в ходе исследования данные позволяют сделать вывод, что негативное отношение осужденных к правосудию не содержит в себе его огульного отрицания. При всем неприятии современных методов борьбы с преступностью, при наличии устойчивых стереотипов значительная часть осужденных имеет индивидуальную систему оценок и суждений относительно правовых явлений и социальных институтов. Это еще раз подтверждает то положение, что меры по исправлению и перевоспитанию могут и должны достигать цели. С другой стороны, действия правоохранительных органов, какими бы обоснованно жесткими они ни были, должны не только находиться в точном соответствии с законом, но иметь под собой ту нравственную, гуманитарную почву, на которой только и возможно достижение сколько-нибудь позитивных результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Истина... И только истина. М.: Юрид. лит-ра. 1990. С. 63.
2. Ллойд Л. Уайнреб. Отказ в правосудии. М.: Юрид. лит-ра. 1985. С. 28.